

Требуются душепопечители

РОССИИ НУЖНО ВДВОЕ БОЛЬШЕ СВЯЩЕННИКОВ

Протоиерей Николай Емельянов

Нехватка пастырей — главное препятствие для роста Церкви. Таков один из основных выводов масштабного исследования о проблемах взаимодействия священников и мирян в современной России¹, предпринятого доцентом богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ) кандидатом философских наук протоиереем Николаем Емельяновым. Как получены столь неожиданные на первый взгляд цифры, каким образом их трактовать и что они значат с практической точки зрения, «Журнал Московской Патриархии» расспросил самого автора исследования.

Спрос ограничивается предложением. Почему не наоборот?

— Ваше Высокопреподобие, что натолкнуло вас на мысль оценить необходимую численность духовенства в России именно в социологическом разрезе? Эта работа продиктована исключительно научным интересом или у нее есть практическое предназначение?

— Попытки осмыслить значение Русской Православной Церкви для нашей страны предпринимаются постоянно.

В ПСТГУ я отвечаю за пастырскую подготовку будущих священнослужителей. Соответственно, прежде всего меня интересовало, какое место священник занимает в современной Церкви, как священнослужители воспринимаются в массовом сознании россиян. С другой стороны, постоянно возникает вопрос: если начиная с 1992 года устойчиво — до 70–80% — растет доля россиян, считающих себя православными, демонстрируется очень высокий уровень доверия людей к Церкви, тогда почему доля церковных россиян неизменно колеблется около отметки в 3% от населения страны? Особенно болезненным этот вопрос становится при обсуждении тех или иных вопросов взаимодействия Церкви и государства: нет-нет да и услышишь в чиновничьем кабинете — да где, мол, ваша Церковь, это же всего одна тридцать третья часть от населения!

Наконец, я давно хотел на экспериментальных данных проверить наблюдения из личного пастырского опыта с 1995 года. Опыт (и не только мой) однозначно свидетельствует: священнику в нынешней ситуации не хватает ни времени, ни сил, чтобы уделять внимание всем прихожанам, которым он должен его уделять по долгу пастырского служения. Если людьми заниматься, стараться вникать в их нужды и чаяния — оказывается, что времени на всех просто не хватает!

Из осмысления этих трех важнейших тем и выросло мое исследование, которому посвящена, вышедшая недавно в издательстве ПСТГУ монография. Разумеется, проблема здесь качественная, а не количественная. Она в первую очередь связана с устройством современной церковной жизни, с особенностями созидания общин и с готовностью священников к пастырству. Но нам с коллегами удалось представить ее в виде своеобразной «пропускной способности» священника, чисто физически ограничивающей число мирян, способных участвовать в Таинствах покаяния и Евхаристии.

— *Как проводились ваши подсчеты?*

— Начну издали. Кого можно считать церковным человеком (в некоторых терминологиях, — воцерковленным православным или вовлеченным верующим)? В отечественной социологии известны несколько подходов к типологизации православных верующих в зависи-

мости от степени их вовлеченности в церковную жизнь². В соответствии с методикой Валентины Чесноковой верующие делятся на группы по пяти критериям: посещение храма, исповедь и причастие, чтение Евангелия, молитва, соблюдение поста³. Обратите внимание: две первые характеристики связаны с общественным богослужением и имеют частотный характер: человек может ходить в храм, исповедоваться и причащаться ежемесячно и чаще; несколько раз в год и реже раза в месяц; ежегодно; нерегулярно — раз в несколько лет; никогда (в сознательном возрасте). Другая типология православных верующих⁴ основывается на трех группах критериев: участие в религиозных практиках (причастие, посещение богослужения); самоидентификация в качестве члена общины, прихожанина; осведомленность о жизни прихода и прихожан. Здесь выделяются три типа

В отечественной социологии известны несколько подходов к типологизации православных верующих в зависимости от степени их вовлеченности в церковную жизнь.

верующих, качественно различающихся между собой: ядро общины, ее периферия и «внеобщинные» православные. Для нас важно, что и в той, и в другой типологии определяющими факторами выступают частота причащения и посещения храма. Ведь даже на периферии общины доля посещающих церковные богослужения раз в год и чаще достигает почти 98%, а причащающихся 1–2 раза в год и чаще — 76%. А уж о ядре и говорить нечего: там все без исключения прихожане причащаются не реже раза в месяц.

Напомню, что в нашей церковной традиции причащение возможно только после исповеди⁵. Исповедь может быть совсем краткой, однако принципиально требует личного контакта исповедника со священником и потому в конечном счете выступает самым сильным ограничителем вовлеченности в церковную жизнь. Фактическая же доступность исповеди (и, как

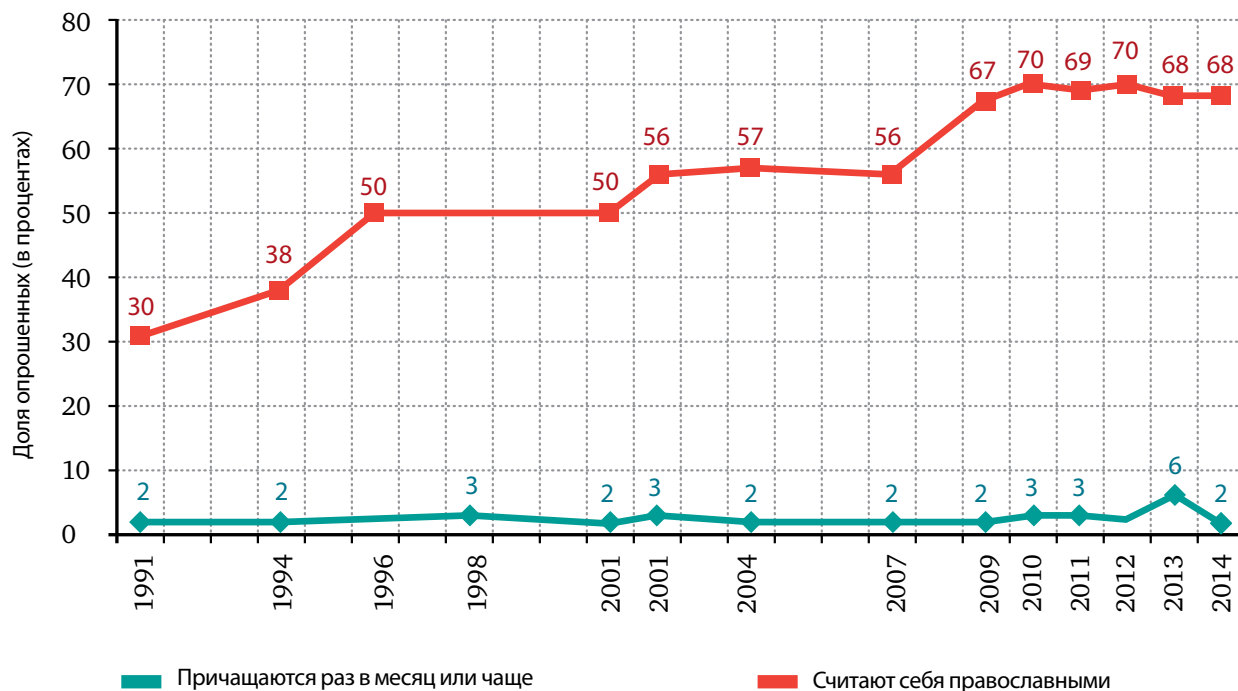

Рис. 1 Динамика считающих себя православными и регулярно причащающихся, 1991–2014 (данные Левада-Центра и ФОМа)

следствие, возможность приступить к Чаше) в итоге обусловлена доступностью исповедующего священника как такового.

Теперь самое время поговорить о доступности священника. Подавляющее большинство из них служит в своих приходах по одному и вынуждены исповедовать прихожан параллельно с ведением службы или выделять для этого какое-то время до и после нее⁶. Но даже если пренебречь этим обстоятельством (вернее, пока что не принимать его во внимание), при первом приближении можно оценить число верующих, которых может исповедовать (и теоретически до причастия) вся совокупность священников Церкви на территории России. Эта оценка выражается формулой, которую я называю формулой объема религиозного предложения. Ее суть очень проста. Сперва вычисляется время, которое в принципе может потратить священник на совершение Таинства исповеди в течение всего года, затем оно умножается на количество священников, а потом делится на то время, за которое священник в среднем совершает исповедь одного человека (см. Формулу). Даже такая простая и очень грубая оценка доступности священника

при всей своей неточности позволяет сделать ряд важных выводов.

— *Вы оперируете понятием религиозного предложения — одним из краеугольных в так называемой теории религиозного рынка. Но в какой мере эта теория применима к нынешней ситуации в России?*

— Решительным образом ни в какой. Возникла она (да и большинство конкретных научно-исследовательских результатов дала) в США — стране, где существует великое множество конкурирующих христианских деноминаций, а влияние иных религиозных конфессий практически ничтожно. Любой христианин там может несколько раз в жизни поменять принадлежность к той или иной деноминации. Причем в протестантизме это не только не сопровождается религиозным порицанием, но даже может приниматься почти что за норму. Многие американцы переходят из католичества в протестантизм, достаточно заметен и поток протестантов, принимающих Православие. Такая картина очень красиво ложится на теорию религиозного рынка⁷. Каждая из деноминаций в этой теории ассоциируется с коммерческой фирмой, а верующие — с потребителями

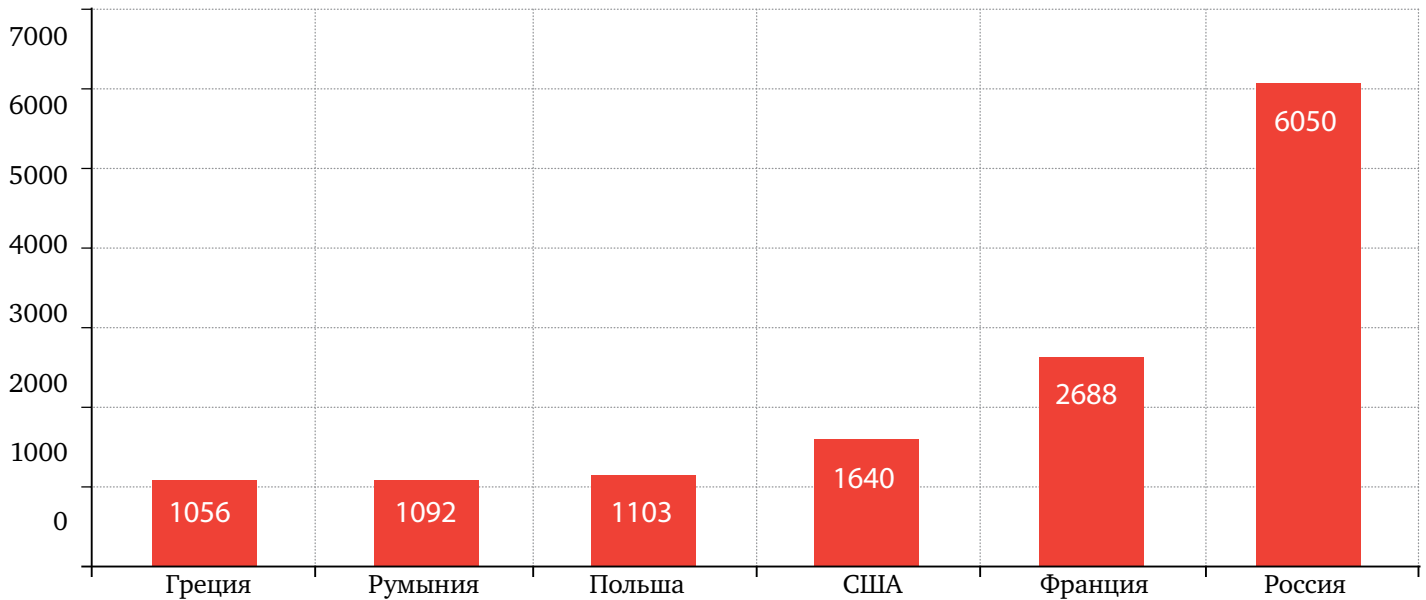

Рис. 2 Количество мирян на одного священника в Католической Церкви в сравнении с Православными Церквами России, Греции и Румынии (Данные 2011 г., по Греции — 2016 г., по Румынии — 2014 г.)

их «продукции», за которых ведется конкурентная борьба.

Конечно, это всего лишь формальный понятийный аппарат, но он очень удобен при описании многих процессов в социуме прихожан. Аналитика на его основе позволяет получать интересные результаты даже для моноконфессиональных стран, например для Швеции, где аналогичным образом можно сравнивать консервативные и ориентированные на модернизацию богослужения приходы.

Для России же теория религиозного рынка неприменима вовсе. Мне как священнику и исследователю конкуренция за прихожан неинтересна вообще. Мне важно оценить то количество мирян, которых готовы принять сегодня служащие в России священники.

— Говоря о религиозном предложении, вы имеете в виду его сравнение со спросом?

— Не совсем. Спрос и предложение обычно анализируют исходя из представления о балансе этих категорий. Меня же ни спрос, ни предложение, ни их баланс как таковые не волнуют, я использую эти понятия только для оценки (довольно грубой, с большим допуском в сторону увеличения) максимально возможного в сегодняшней ситуации количества регулярно исповедующихся и причащающихся россиян.

— Формула, которую вы привели, не учитывает некоторых возникших в последние годы приходских практик. Например, в Московской (городской) епархии на каждом приходе у священников есть дежурные часы, в которые те принимают верующих. Подобная практика увеличивает доступность священника — пришедшие заранее в дежурные часы приема уже не встанут в очередь к аналою...

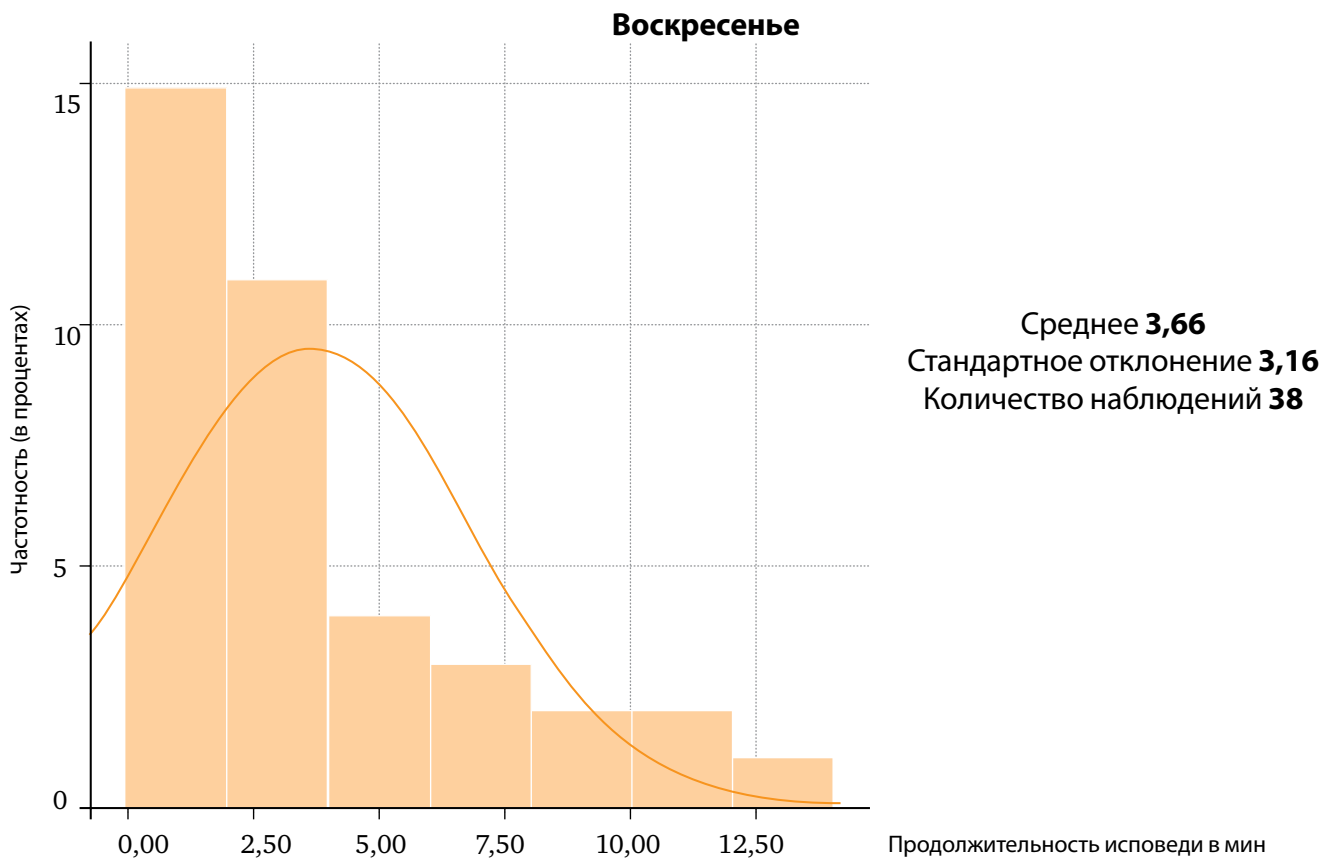
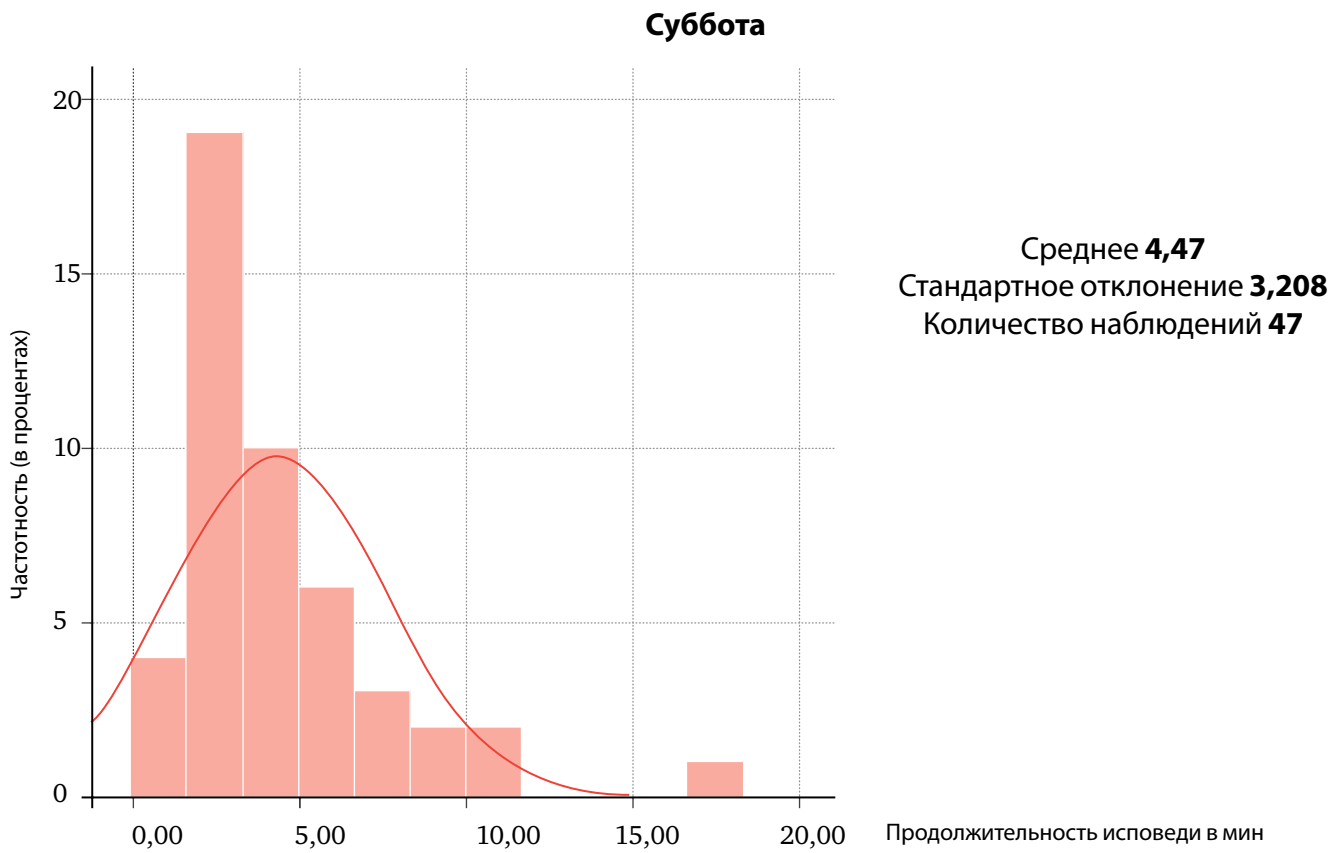
— Да, несколько увеличивает. Но в масштабах всей Церкви, увы, это мизерная прибавка. По одной простой причине: собеседование в часы дежурства — это нерегулярная форма взаимодействия мирянина со священником. Туда можно прийти раз-другой. На третий что-то помещает — занятость на работе в будний день, дома в семье в выходной и т. д. Миряне, которые постоянно могут прибегать к подобной форме взаимодействия, статистически не составляют сколь-нибудь заметной доли церковных людей. Регулярная же форма — это именно Таинство исповеди во время воскресного богослужения и накануне.

«Виноваты» ли причащающиеся часто?

— Как вы оценивали время, затрачиваемое священнослужителем на одного исповедника?

— Точная оценка зависит от множества факторов. Самый очевидный — частота исповеди:

Рис. 3 Статистическое распределение длительности исповеди на 50 московских приходах вечером 9 и утром 10 апреля 2016 г.

Формула объема религиозного предложения в России

Как посчитать предельно возможное число прихожан, имеющих возможность исповедаться и приступить к причастию (Y)? Оно выражается простой формулой

$$Y = [C \cdot D \cdot (B + U)] / (T \cdot Ч),$$

где **C** — число служащих на приходах священников;

D — число воскресных и праздничных дней в году, в которые священник способен проводить исповедь;

B + U — среднее время исповеди вечером накануне и утром в эти дни;

T — среднее время исповеди одного человека;

Ч — средняя частота причащения, выраженная в количестве раз за год.

чем чаще верующий у аналоя, тем меньше необходимости у него задерживаться подолгу. Первая же исповедь зачастую затягивается на час-другой. Сильно зависит время исповеди и от того, как человек исповедуется: просто ли перечисляет грехи, просит дать житейский совет или ждет от пастыря утешения. Огромное значение имеют возраст, пол, психологический тип личности кающегося, а также возраст и опыт самого священника. Поэтому сначала посмотрим, сколько верующих Церковь чисто физически способна принять у аналоя.

По состоянию на 2013 год на российских приходах служило около 17 тыс. священников. Учтем, что у разных групп православных не одинаковый религиозный запрос: одни причащаются ежемесячно (2% от называющих себя православными, или 2,1 млн человек), другие — несколько раз в год, но не каждый месяц (10%, или 10,3 млн человек), третьи — раз в год или в несколько лет (39%, или 40,1 млн человек), четвертые просто идентифицируют себя как верующих (73% назвавших себя православными, или 75,9 млн человек). А в целом православными называют себя 72% опрошенных, или 111 млн человек⁸.

Чтобы поговорить с каждым из 76 млн православных, считающих себя верующими, хотя бы раз в год по полчаса, требуется 27 595 священников. И то при условии, что люди будут идти

к каждому из них равномерным нескончаемым потоком без остановок во все дни года во все время, свободное от совершения богослужений. Чтобы провести в течение года первую исповедь часовой продолжительности с 41 млн православных, которые никогда не причащались, необходим 30 241 священник. А чтобы просто поисповедовать раз в год по 15 минут тех, кто причащается ежегодно или несколько реже, нужен «всего» 7 371 священник.

— *Ясно, что все это ситуации гипотетические. А если аналогичным образом оценить время, которое священник может уделить исповедникам во время богослужений без учета дежурств между службами в храме?*

— Такая оценка, очевидно, намного ближе к действительности и дает гораздо большее число священников, необходимых на приходах в России. Ведь на практике время исповеди в будние дни ограничено всего одним часом с утра и одним-двумя часами вечером. В субботний вечер оно может быть увеличено до двух — шести часов, а в воскресенье утром — максимум до трех часов. Простой подсчет показывает, что в течение года один священник проводит у аналоя примерно 813,5 часа. Значит, чтобы раз в год уделить час времени каждому, кто относит себя к православным, потребуется армия в 126 500 священников. Чтобы поговорить с каждым из 75 млн верующих православных раз в год хотя бы по полчаса, нужно 46 150 священников. Для часового общения с 41 млн никогда прежде не причащавшихся православных необходимо уже 50 575 священников. Чтобы все православные верующие, придя в храм несколько раз за год, могли бы подойти к аналою всего на пять минут, понадобится 46 150 священников. А если ставить задачу, чтобы любой называющий себя православным мог прийти в храм и спокойно поговорить со священником в течение получаса несколько раз в год, нужно уже более 379 тыс. священников.

— *Любопытно, а сколько времени священник может позволить себе уделить одному исповеднику при нынешнем количестве служащих в Церкви?*

— Если сравнить исповедь с так называемым психологическим консультированием (отдаленно похожей сферой, где нормой считается

прием «клиента» дважды в месяц), то окажется: каждый из тех, кто причащается как минимум ежемесячно, может рассчитывать на пятиминутную беседу. Более длительная исповедь в установленные рамки уже не вписывается. Для причащающихся несколько раз в год (то есть для десятой доли всех православных) при существующем количестве священников доступной здесь оказывается уже только минутная исповедь.

— В современной приходской традиции верующие из «ядра» общины, особенно в крупных городах, стараются причащаться по возможности часто — по крайней мере ежемесячно. Стоит ли священникам в условиях довольно жесткого дефицита времени поощрять такую практику? Ведь внимание надо уделять и другим прихожанам, находящимся на периферии общин, которые тоже мало-помалу воцерковляются. Быть может, пастырям не стоит рекомендовать церковным людям частое причащение? Тогда у них высвободится время, чтобы принять у аналоя большее число кающихся...

— Мне часто задают этот или похожие вопросы. У ответа есть два измерения. Первое — чисто богословское, основанное на представлении о Церкви как Теле Христовом. Прежде всего оно связано с идеей так называемого евхаристического возрождения, которая уже больше века активно обсуждается христианами — не только православными, но и католиками. У нас эта идея наложилась еще и на специфический опыт, полученный верующими в советское время: эпоха гонений сформировала в нашем народе особенно трепетное отношение к Причащению. В течение жизни нескольких советских поколений люди искренне считали: причащаешься — значит, ты в Церкви. Могло не быть никакой другой связи с Церковью — ни возможности прочесть Евангелие или выучить молитвы, ни глубоких знаний о вере — но оставалась вера в благодатную связь с Церковью благодаря Таинству Евхаристии. Подобное отношение к причащению на генетическом уровне закрепилось и в современном поколении. Если угодно, это один из важнейших запросов верующих к Церкви — возможность причащаться. Пренебречь им, попытаться развернуть этот четко улавливаемый настрой церковных людей

в другую сторону? Но как они сами к этому относятся, насколько правильно поймут? Будет ли это верно в самом главном, церковном смысле?

Теперь что касается пресловутого временного ресурса. Да, в какой-то степени его можно высвободить, оптимизировать. Но за счет чего? Либо за счет культивирования тех практик, которые не требуют личного регулярного взаимодействия священника с мирянином, предполагая какие-то формы общественного взаимодействия. Либо за счет того, что постоянные прихожане должны будут довольствоваться редкой исповедью и потеряют постоянную связь со священниками. Какое сообщество мы получим в результате? Лишенное традиций и вдумчивого отношения к церковной культуре. Сообщество, из которого исключен священник и где нет места сильным приходским общинам и сопряженным с ними социальным формам религиозной жизни (братствам, сестричествам, церковным школам и т. д.) Да, периферийные члены общин, а также малоцерковные или совсем не верующие, а только крещенные в Православие люди получают возможность чаще и больше общаться со священником. Но станет ли это чем-то действенным, если не будет сопровождаться включением в регулярную церковную жизнь? «Подталкивая» таких людей к участию в Таинствах чисто механическим образом, достигнем ли мы цели? Вопрос, думаю, риторический.

Три с половиной минуты у аналоя, или Откуда берутся пресловутые три процента воцерковленных

— Ваша расчетная модель проста и именно поэтому на первый взгляд правдоподобна. Но какое отношение она имеет к реально существующим практикам исповеди и причащения на приходах? Ведь полученные вами результаты базируются на социологических замерах, в основе которых — ответы самих респондентов. А то, что люди говорят о своей жизни, может сильно отличаться от реально наблюдаемой картины...

— Чтобы снять этот риск, мы апробировали модель на серьезном (не имевшем прецедентов) полевом исследовании временных параметров исповедей, совершенных на московских прихо-

дах в один богослужебный день — в воскресенье 10 апреля 2016 года и субботним вечером накануне. Этот день пришелся на Великий пост, однако ни с Торжеством Православия, ни с Крестопоклонной Неделей, ни с праздником Входа Господня в Иерусалим не совпадал. В случайно выбранной полусотне московских приходов фиксировалось общее время исповеди и число человек, над которыми за это время совершилось Таинство. При всем многообразии приходов и исповедовавших священников полученные данные позволяют с хорошей точностью оценить среднюю длительность исповеди. Если говорить отдельно о субботнем вечере, среднее время исповеди одного человека составило 4,5 минуты, если о воскресном утре — 3,7 минуты, а в совокупности — 3,9 мин ± 24 секунды⁹ (рис. 3). Причем между средними длительностями исповедей в субботу и воскресенье нет статистически значимых различий. Мы проверили это по известным в математической статистике

критериям и убедились: значения этих величин в достаточно высокой степени коррелируют.

— *Довольно неожиданный результат! Ведь в воскресенье исповедь обычно ограничена моментом окончания Божественной литургии, а накануне вечером цейтнота вроде бы нет...*

— Видимо, среднее время исповеди гораздо сильнее зависит от самого священника, чем от внешних факторов. Еще одно разумное объяснение, лежащее на поверхности: исповедоваться вечером в субботу предпочитают воцерковленные прихожане, которым слишком уж задерживаться у аналоя, как правило, незачем.

Еще один интересный результат, который мы получили: ни от возраста священника, ни от срока его хиротонии, ни от близости храма к ближайшей станции метро средняя продолжительность исповеди практически не зависит. Значимым образом она различается только между священниками, хиротония которых состоялась больше четверти века назад, и теми, чей пастырский опыт

меньше. Видимо, 25-летие священнической хиротонии — действительно важная отметка, влияющая в том числе и на исповедальные практики. Но, конечно, этот эмпирический вывод требует отдельного исследования.

— Если на исповедь уходит три-четыре минуты, то сколько человек может «пропустить» через себя священник в таком режиме? В какой степени удовлетворяется религиозный запрос прихожан с учетом сделанных выше оценок?

— Если подставить в формулу объема «религиозного предложения» число священников в России — 17 тыс. человек, число дней в году, когда священник принимает исповедь, взяв 61 (все воскресенья и праздники за вычетом отпуска), а частоту причащения задать ежемесячной, то при максимально заполненном бюджете времени священника на исповедь в год он сможет принять не более 8 млн человек. Если же ориентироваться на результаты нашего полевого исследования, то среднее значение времени, которое тратит священник на исповедь в субботу и воскресенье, — 143 минуты. Тогда ограничение составляет около 3,17 млн человек в год. Этот результат совпадает с теми самыми 3% вовлечен-

ных верующих, которые дают социологические опросы. 3% населения России — это 4,29 млн человек. А ведь есть еще те, кто регулярно исповедуется несколько раз в год, и таких около 10 млн. Это полностью исчерпывает возможности тех священников, которые сегодня служат в России.

Замечу, что в реальности ограничение еще жестче. Даже то, что эти 3% умудряются более-менее часто исповедоваться и причащаться, уже удивительно! Ведь далеко не все верующие живут в шаговой доступности от ближайшего храма, священники на однопричтовых приходах (а таких в России абсолютное большинство) даже по субботам и воскресеньям загружены требами, да и психологическая нагрузка на священника тоже должна иметь какой-то предел.

Все это позволяет сделать вывод, что доля воцерковленных мирян в наших расчетах получается завышенной.

И тем более справедлив главный вывод: как бы дальше ни росли симпатии людей к Православии, рост церковности россиян как таковой скрывается недостаточным числом пастырей. Как только в Русской Православной Церкви рукополагается новый священник, готовый встать к аналою и принимать исповедь, — к нему рано или поздно выстраивается очередь именно такой длины, какую он способен принять. Мог бы исповедовать 10 часов — исповедовал бы 10, мог бы 12 — исповедовал бы все 12, пока не рухнул бы от усталости! Сами священники, поверьте мне, об этом знают и поэтому предпочитают ограничивать отведенное на исповедь время.

— Насколько, на ваш взгляд, необходимо увеличить количество пастырей, чтобы изменение ситуации в России стало качественно заметно?

— Прежде чем пытаться делать самые общие и грубые оценки, вспомним: на одного священника в России приходится в четыре с лишним раза больше мирян, чем в католических странах — 6050 против 1357 в Западной Европе и 1629 в США.

При этом временная нагрузка на священника при совершении Таинств хотя и не одинаковая, но сходная. Еще разительнее различия в цифрах применительно к православным странам: в Греции на одного священника приходится 1056 мирян, в Румынии — 1092.

Вопрос о необходимом для Церкви числе священников периодически поднимается в научной литературе, но точный ответ на него никогда не дается. Единственная оценка, которую мне удалось найти, была сделана в контексте изучения переизбытка пасторов в протестантских деноминациях США: 350–500 человек — минимальная норма нагрузки на одного пастора. Интересно, что эти цифры совпадают с экспертными оценками размера средней общины в Русской Православной Церкви.

НА ОДНОГО СВЯЩЕННИКА В РОССИИ ПРИХОДИТСЯ В ЧЕТЫРЕ СЛИШНИМ РАЗА БОЛЬШЕ МИРЯН, ЧЕМ В ЕВРОПЕЙСКИХ КАТОЛИЧЕСКИХ СТРАНАХ.

Фото Сергея Пронина из проекта ПСТУ «Жизнь жительствоует. Священник в малых городах»

Итак, если механически перенести зарубежные цифры на Россию, получается, что необходимо порядка 60–100 тыс. священников — как минимум втрое больше, чем сейчас. Но вспомним, что нехватка у нас наблюдается отнюдь не в простых требоисполнителях, а в пастырях.

— Где же та аудитория, которая могла бы — при оптимистичном сценарии — воспользоваться ростом числа священников и стать более активными прихожанами?

— В первую очередь это те 18% населения (25 млн человек), которые исповедуются по крайней мере раз в год, но реже раза в месяц. Это люди, уверенно пришедшие в Церковь после ее освобождения в 1992 году, но не имеющие ни глубокой церковной культуры, ни какой-либо личной укорененности в церковной жизни, ни регулярной связи с приходом, общиной или священнослужителем. Если рассчитывать на воцерковление именно этой группы верующих, на их вовлечение в активные формы приходской жизни, то понадобится от 44 до 135 тыс. священнослужителей.

Замечу, что по сравнению с 2013 годом число служащих на российских приходах православных священников, конечно, выросло. Статистически корректная оценка их численности на сегодняшний момент составляет 21 тыс. человек. И тем не менее мы видим, что даже самые осторожные подсчеты выявляют как минимум двукратный недостаток священников в нашей стране, препятствующий дальнейшему воцерковлению россиян.

В краткосрочной перспективе этот недостаток восполнить вряд ли возможно. Церкви не хватит ни существующих семинарий, ни материальных ресурсов, чтобы подготовить и содержать такое количество духовенства. Поэтому, на мой взгляд, необходимо качественное расширение церковной жизни в России, смещение акцентов: с экстенсивного развития системы духовного образования — на поиск новых форм подготовки абитуриентов и самой пастырской подготовки; с увеличения численности отдельных приходов — на поиск новых форм организации приходской жизни и материального

обеспечения духовенства. Потому что наша страна до сих пор, по сути, не преодолела результаты советской эпохи форсированной секуляризации, не справилась с отдаленными последствиями прокатившихся по всему Советскому Союзу гонений.

Общину нельзя организовать, она может только вырасти

— В начале 1990-х годов Церкви тоже нужно было в короткие сроки резко увеличить количество священнослужителей, и она смогла справиться с тем вызовом. В какой мере сейчас можно воспользоваться опытом прошлого поколения?

— Увы, сейчас он пригодиться уже не может, причем сразу по нескольким причинам. Во-первых, отношение к священнослужителям в постсоветской России разительно отличалось от нынешнего в лучшую сторону — по степени доверия, уважению, готовности людей откликаться на конкретные нужды и заботы. Во-вторых, относительный рост духовенства в первой половине 1990-х годов, конечно, был впечатляющим. Но в абсолютных цифрах он не идет ни в какое сравнение с теперешними потребностями: сейчас они намного больше. Наконец, тот рывок был возможен потому, что он опирался на опытных,

пастырей, собравших вокруг себя замечательных церковных людей. Именно там выростали кандидаты на рукоположение. Чтобы сформировать нечто похожее сегодня, нужен не год и не два кропотливой работы. Ведь пастыри-душепопечители не вырастут сами собой из отличников на семинарской скамье. Для этого нужна крепкая сплоченная община по-настоящему церковных верующих, возглавляемая опытным священником. А сейчас в Русской Православной Церкви есть целые епархии, где вообще нет священников со сроком хиротонии, превышающим два десятка лет! Требуется как минимум одно поколение, чтобы вырастить в общинах новых достойных кандидатов. Но мы живем в условиях, далеких от идеальных: помимо душепопечения, на настоятеля, как правило, возложена еще задача строительства храма и множество иных административных и хозяйственных забот.

— Вы говорите о новых формах пастырской подготовки. Каким образом это можно соотносить с продолжающейся церковной реформой духовных школ в России?

— К достижению цели нас может приблизить параллельное решение двух стратегических задач — усиление приходских общин и возвращение в их среде священников, ориентированных на душепопечение. Что касается образования,

Сотрудники научной лаборатории ПСТГУ «Социология религии» взяли свыше двух сотен экспертных интервью у священников по всей стране от Южного Сахалина до Калининграда в рамках проектов «Способы пастырского действия: анализ бюджетов времени священников» и «Социальная работа Русской Православной Церкви в XXI веке» (подробные описания см. на веб-ресурсе исследовательского семинара «Социология религии» socrel.pstgu.ru). Приводим выдержки из некоторых экспертных интервью.

Епископ А., 65 лет

...Очень многие священники... не хотят исповедовать. Они не хотят принимать исповедь, они не хотят вникать в нужды, в проблемы людей, которые к ним приходят. Они не хотят быть духовниками. Они не хотят этому уделять время...

И поэтому люди идут к психологам. Поэтому они идут в какие-то секты, где им уделяют время. А у священника нет времени. Он бежит, он все время на бегу,

он не может два слова сказать, он все: «Быстрее, быстрее, быстрее. Что ты мне рассказываешь? Это не то... Ну, ты давай о грехах, ты давай то...»

Священник К., 42 года

Я помню, как тогда шла исповедь (начало 1990-х годов. — Ред.). Вечером было поисповедоваться практически невозможно, во многих храмах ее просто вечером не было, а утром она шла так быстро, что не то что поговорить, а даже просто перечислить свои грехи было почти невозможно! О каком-то общении со священником вообще не могло быть речи.

Священник Н., 42 года

Община в 200–300 человек обычно является результатом многолетнего труда и может быть только у священника, имеющего опыт 15–20 лет служения на одном приходе. В очень редких случаях масштаб общины можно оценивать в 500 человек. Община Самого Христа была не намного больше. Об этом прямо сказано в Евангелии.

количество часов, выделяемых на дисциплины пастырского цикла в духовных школах, за последние годы, конечно, выросло. Но между корректированием учебного плана и изменением формата образования колоссальная дистанция: прочесть больше лекций по пастырскому богословию еще не означает настроить будущих священников на пастырское служение.

Могу поделиться наработками, которые мы практикуем в ПСТБИ и на богословском факультете ПСТГУ. В течение всего периода обучения студента в ПСТБИ мы находимся в плотном контакте с его духовником и общиной, а сам обучающийся регулярно предоставляет нам отчет о своем участии в приходской жизни. Его духовника мы просим рассматривать студента как будущего пастыря, именно с такими мерками подходить к нему и привлекать к приходским послушаниям. А при обучении на богословском факультете ПСТГУ, где студенты ПСТБИ получают общее университетское образование, каждый из них отвечает за церковную жизнь вуза вместе с духовенством как будущий священник. Такой комплексный подход может оказаться достаточно эффективным — конечно, при условии, что каждая из сторон добросовестно в этом участвует.

О необходимости подобного подхода к воспитанию будущих священнослужителей постоянно говорит Святейший Патриарх Кирилл — и на Архиерейских Соборах, и в выступлениях на Рождественских чтениях. Но моментально этой задачи не решить. Общину нельзя организовать, она может только вырасти. Если мы хотим ее культивировать, нельзя без серьезных оснований перемещать настоятеля на другой приход. Более того, хорошо бы не трогать без нужды и второго священника, поскольку тот ему во всем помощник, вырос из той же общины, и у него тоже есть свои духовные чада.

— **В городах перемещение священника на другой приход не проблема: известны случаи, когда люди целыми общинами мигрируют за духовным отцом из храма в храм...**

— Это только кажется. Если это постоянные прихожане, духовные чада, то даже в пределах Москвы такие перемещения весьма травматичны. Случается, отдельные люди ездят на другой конец города к своему духовному отцу; но вы

не увидите семей с детьми, которые поступали бы таким образом. Для них подобные поездки практически невозможны, а это едва ли не главная составляющая общины.

— **Как вам кажется, сколько времени нужно, чтобы восполнить недостаток священников в России?**

— Много. Даже приблизительно оценить крайне трудно. В первую очередь потому, что не очень ясно, в какой мере государство будет помогать или мешать преодолевать последствия гонений на Церковь. Есть статистика среднегодового роста духовенства в России за 27 постсоветских лет — в среднем 15,8% ежегодно. Но это очень оптимистичный сценарий, реализовать который в реальности вряд ли удастся. В любом случае понятно: речь идет как минимум об одном человеческом поколении, и все это время придется трудиться не покладая рук. Такой прогноз вряд ли может быть надежно обоснован каким-то расчетом. Однако сразу возникает ассоциация с выходом Израиля из египетского плена и возвращение в Землю обетованную. Этот исход завершился со смертью всех, кто родился в египетском плену. Я уверен: Церковь даст свой ответ на проблему нехватки священников. Но одновременно мне кажется, что без нашего понимания самой проблемы и нашего общего участия в этом деле обойтись не получится.

Беседовал Дмитрий Анохин

Протоиерей Николай Емельянов — кандидат философских наук, доцент кафедры систематического богословия и патрологии богословского факультета ПСТГУ, один из создателей научной лаборатории социологии религии (Соцрел) ПСТГУ, старший научный сотрудник лаборатории исследований церковных институций (ЛИЦИ) ПСТГУ, проректор Богословского института при ПСТГУ, клирик Николо-Кузнецкого храма Москвы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Емельянов Н. Н., прот. «Жатвы много, а делателей мало»: Проблема взаимодействия священников и мирян в современной России. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019.

² Подробнее об этом см.: Насколько православны наши православные // ЖМП. 2012. № 8.

³ Чеснокова В. Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М., 2005.

⁴ Забаев И. В., Орешина Д. А., Пруцкова Е. В. Три московских прихода: основные социально-демографические показатели и установки представителей общин крупных приходов. М., 2012.

⁵ См. документ «Об участии верных в Евхаристии», принятый на Архиерейском совещании Русской Православной Церкви 3 февраля 2015 г.

⁶ На начало 2011 г. в Русской Православной Церкви было 30 675 приходов и только 29 324 священника — см.: Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Доклад на Архиерейском соборе 2011 г. // Слово Предстоятеля (2009–2011). Собрание трудов. М., 2012. Сер. 1. Т. 1. С. 193.

⁷ Stark R., Bainbridge W. S. A Theory of Religion. Bainbridge, Bern: Lang, 1987.

⁸ Данные основаны на материале статьи: Синелина Ю. Ю. О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах ее изучения (религиозное сознание и поведение православных и мусульман) // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 105, 111.

⁹ В качестве погрешности здесь приводится стандартная ошибка среднего.